

Чжун И, взмахнув рукой, с гневом ткнула пальцем в собственного сына:

— Старый Янь, скажи прямо — сегодня ты с Янь Цзою идешь или со мной?!

Янь Чжицин даже не взглянул на сына и, подобострастно засеменив, последовал за Чжун И.

Янь Цзою остался стоять на месте. Что ж, всё как всегда: запах не изменился, и родной батюшка не подвел.

Семья Чэн тоже была вне себя, но, похоже, до такой степени дело не дошло. В конце концов Чэн Хао что-то шепнул отцу на ухо, и тот, взяв мать за руку, спокойно удалился.

В банкетном зале номер 505 осталась лишь одна несчастная парочка.

Янь Цзою, человек беспечный, как только старшие удалились, тут же поднялся с колен, уселся за стол и принялся за еду. Вот только настроение у него было скверное, и на лице откровенно читалось недовольство.

Чэн Хао подошел, обнял Янь Цзою за талию и, с жалостью разглядывая его лицо, принялся утешать:

— Дорогой, не переживай. У тебя же есть я. Родители сколько бы ни злились, а ты всё равно их родной сын. Дадут остыть — сами позовут обратно.

Янь Цзою надул губы. Это он и сам понимал. Просто чувствовалась несправедливость: почему отдуваться пришлось именно ему? — Что это ты своему отцу нашептал, что они тебя так легко отпустили? Научи уж и меня.

Чэн Хао ущипнул его за мягкий бочок:

— Хочешь знать?

— Угу.

— Пошли в номер!

Янь Цзою застыл, словно поперхнулся:

— В н... номер?

Чэн Хао смотрел на него с полной серьезностью:

— Ты что, передумываешь? Ты же сам обещал. Не вздумай увиливать!

Янь Цзою и вправду хотелось увильнуть, но тут выиграла гордость. Он презрительно хмыкнул:

— Какое там! Слово Янь Цзою — закон! Только вот вечером у нас дела, я уже приглашения разослал.

— Ничего не помешает, — Чэн Хао поцеловал его в лоб. — Не волнуйся, я тебя хорошо обслужу, на седьмом небе будешь парить.

Как же! Скорее уж на тот свет отправлюсь!!!

Всё происходило, словно во сне.

Янь Цзою последовал за Чэн Хао в номер. Из последних сил стараясь сохранить лицо, он первым отправился в душ. Теперь, пока Чэн Хао мылся, он сидел снаружи, не находя себе места. Хотел было отвлечься игрой, но обнаружил, что телефон забыл.

Что делать? Конец пришел.

Когда Чэн Хао вышел из ванной, Янь Цзою сидел на диване, покачиваясь, с бутылкой белого вина в руке. Лицо покраснелось, с волос струилась вода, полы халата распахнулись, обнажая длинные белые ноги, которые слепили Чэн Хао глаза.

Три года ожидания не прошли даром — Чэн Хао уже не мог сдерживаться. Он тут же наклонился, взял прядь волос, вдохнул аромат кожи и нежно прошептал:

— Дорогой, пойдём на кровать.

Как говорится, пьяному море по колено.

Глотнув несколько раз, Янь Цзою совсем забыл, кто он такой, и почувствовал, будто весь мир у его ног. Глаза-персики смотрели томно, улыбка была соблазнительной:

— Хао-цзы, сегодня твой братец Янь покажет тебе, что такое настоящая постель! Чего там бояться? Да ничего я не боюсь!!!

Три года — срок достаточный, чтобы узнать человека. Но порой он так и остается загадкой, словно цветок за туманом: видишь очертания, а потрогать не можешь.

Чэн Хао решил его поддеть:

— Это мы еще посмотрим.

Янь Цзою клюнул:

— Сейчас покажу, боюсь или нет! — Он, пошатываясь, поднялся и потащил Чэн Хао за собой. — На кровать!

Не успел он сделать и пары шагов, как Чэн Хао в нетерпении подхватил его на руки и быстрым шагом отнес к кровати.

— Дорогой, а вот этого не боишься? — Чэн Хао достал наручники для утех. — Боишься — не будем.

Наш Янь-гэ махнул рукой с видом непоколебимого героя:

— Не боюсь! Кто струсит, тот щенок!

— А если глаза завяжу?

— И тогда не боюсь!

Комната погрузилась во тьму.

Чувства обострились до предела. Сознание Янь Цзою затуманилось, тело будто придавила

огромная глыба, так тяжело, что не продохнуть, а сбросить ее не получалось.

После нескольких тщетных попыток вырваться он расплакался.

— Плохо... очень плохо...

Вид трехлетней мечты, беспомощно раскинувшейся под ним, лишь разжег в Чэн Хао желание.

— Не плохо, не плохо, скоро пройдет, — приговаривал он.

Авторское примечание:

Гу Ван: Черт возьми, идиот!!! Ты что, отказаться не мог?! Жизнь не дорога?

Янь-гэ: А мне нравится.

Глава 15. Герой — пес.

Когда дело дошло до настоящего дела, Янь Цзою понял: то, что он выпил, и алкоголем-то назвать было нельзя.

Отвращение!

Одно лишь отвращение.

Отвращение до самого предела.

Чэн Хао, облапив и обцеловав Янь Цзою, понял, что тот и не думает ему подыгрывать, и с неохотой слез с кровати.

Янь Цзою лежал связанный по рукам и ногам, не мог пошевелиться, глаза были закрыты, а в комнате стоял какой-то шорох. Незнание породило страх, который медленно подбирался к горлу. — Чэн Хао, что ты делаешь? Мне очень плохо,пусти, я больше не хочу играть.

— Не плохо, не плохо, — голос Чэн Хао прозвучал прямо у уха, и в нем явно слышалась улыбка.

— Не двигайся, главное — не двигайся.

Чэн Хао взял шприц и ввел Янь Цзою холодную жидкость.

— Что ты мне вколол?

— Возбуждающее, для дела полезно. — Чэн Хао выбросил шприц, забрался на кровать и обнял Янь Цзою за талию.

— Чэн Хао, — отвращение в теле смешалось со страхом и разросло до невероятных масштабов. — Я умру!

— Да, умрешь, — слова Янь Цзою не заставили Чэн Хао насторожиться, он решил, что это просто игра. — Ну что, дорогой, хочешь умереть на моей кровати?

Действие препарата проявилось мгновенно. Янь Цзою почувствовал, как все тело запылало и зачесалось, а почесать невозможно, так что зуд быстро превратился в пронзительную боль.

Он хотел сказать что-то серьезное, но голос вышел слабым и мягким, почти женским:

— Чэн Хао, я не шучу. У меня сексуальная брезгливость, такое обращение я не вынесу, правда умру.

Чэн Хао почувствовал, как напряженное тело в его объятиях начало расслабляться, и понял — препарат подействовал. Услышав это, он на секунду замер, а потом отмахнулся:

— Не выдумывай, разве бывают такие странные болезни?

Когда препарат вступил в силу, уже ничего не зависело от тебя. Янь Цзою с трудом поднял голову:

— Поцелуй меня.

Впервые Янь Цзою проявил такую инициативу. Чэн Хао, ощутив вкус поцелуя, был на седьмом небе и решил сменить тактику. Он развязал Янь Цзою руки и ноги, и тот, освободившись от пут, стал активен, как и ожидалось.

Его тело больше не слушалось его. Но разум оставался ясным.

Так дело не пойдет.

Вот оно, противоречие: физиология требовала страсти, а психика отторгала все, доводя до грани взрыва. Две противоположности сталкивались и терлись внутри него, высекая искры.

— Чэн Хао, не трогай меня! — к этому моменту Чэн Хао уже расстегнул его халат. Увидев, что все тело Янь Цзою покрылось густой сыпью, он в ужасе отпрянул и свалился с кровати.

Чэн Хао, смертельно бледный, тыкал пальцем в Янь Цзою, смотря на него, как на чудовище, и вдруг вспомнил его недавние слова:

— Ты... ты... ты правда болен?

Тело Янь Цзою, не слушаясь, сползло с кровати, пытаясь обнять Чэн Хао.

Чэн Хао со звонким шлепком отбил его руку:

— Это не заразно???

Янь Цзою никак не ожидал такого вопроса. — Конечно, нет! — поспешил он объяснить. — Просто... у нас, возможно, больше не будет интимной жизни.

Чэн Хао молчал.

Янь Цзою выдавил улыбку. Халат распахнулся, обнажив грудь, соблазнительный вид и томные глаза-персики довершали картину. — Даже зная это, ты все равно останешься со мной, правда?

Чэн Хао, в панике поднявшись с пола, принялся натягивать одежду и пятиться к двери. Распахнув ее, он бросился бежать.

Янь Цзою сидел на ковре, без сил, опираясь на кровать, лишь бы не упасть. Последние крупинцы разума, оставшиеся после ухода Чэн Хао, сгорели в одно мгновение, не оставив и пепла.

Ощущение было такое, будто он вот-вот задохнется. Дыхание стало частым и поверхностным.

Янь Цзою думал, что, наверное, умирает.

И в этот момент он отчаянно захотел, чтобы кто-то его приласкал.

В тумане сознания в комнату вошла темная фигура.

Янь Цзою обхватил его ногу, словно утопающий хватается за соломинку:

— Потрогай меня.

<http://bllate.org/book/16261/1463158>